

БИОГРАФИКА

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-112-134>

<https://elibrary.ru/WERBSX>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Короткая оттепель: Бунины и Мережковские в 1929–1930 гг. между двумя этапами «нобелевской гонки» (по материалам дневника В.Н. Буниной)

© 2026, М.С. Щавлинский

Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук,

Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00425 («В.Н. Муромцева-Бунина — летописец Серебряного века и русской эмиграции»).

Аннотация: Дневники В.Н. Буниной представляют важные исторические свидетельства о жизни русской эмиграции. Бунина вела их на протяжении всей своей жизни с удивительной регулярностью — в некоторые годы (например, в 1929–1930) записи делались практически ежедневно. Этот материал особенно важен для изучения жизни русской эмиграции во Франции межвоенных лет. До сих пор отношения между Буниными и Мережковскими не изучены должным образом. 1920–1930-е гг. представляются особенно интересными, поскольку в это время между И.А. Буниным и Д.С. Мережковским происходила «нобелевская гонка». Несмотря на теплые отношения в начале 1920-х гг. к середине десятилетия отношения между семьями стали прохладными, а в 1929–1930 гг. неожиданно началось сближение («оттепель»), отразившееся в переписке Гиппиус и Буниной, а также в дневниках Веры Николаевны. Исследованию этого короткого сближения, его биографическому и литературному контекстам посвящена статья.

Ключевые слова: В.Н. Муромцева-Бунина, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, биография, дневники, письма, Нобелевская премия

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5156-8999>

Е-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

Для цитирования: *Щавлинский М.С.* Короткая оттепель: Бунины и Мережковские в 1929–1930 гг. между двумя этапами «нобелевской гонки» (по материалам дневника В.Н. Буниной) // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 112–134. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-112-134>

До сих пор отношения между Буниными и Мережковскими в 1920–1930-е гг. не изучены должным образом. Дневник Веры Николаевны Буниной — во многом единственный источник информации, проливающий свет на интенсивность общения между семьями и сложившиеся в доме Буниных мнения о Мережковских. Дневник позволяют нам значительно углубить историю взаимоотношений Буниных и Мережковских, зафиксировать даже самые незначительные колебания. Так, например, казалось бы в понятную тенденцию «охлаждения» между Буниными и Мережковскими после 1925 г. в контексте «нобелевской гонки» никак не укладывается «оттепель» в их отношениях в 1929–1930 гг.¹

С одной стороны, дневники В.Н. Буниной представляют собой ценный источник для изучения литературной борьбы в эмигрантской среде 1920–1930-х гг. Записи не только фиксируют повседневные взаимодействия, но и отражают активную роль жены в формировании репутации И.А. Бунина. Будучи одновременно летописцем и участницей событий, она субъективно, но пронизательно оценивала критические выпады (например, статьи Гиппиус о «Митиной любви» и «Жизни Арсеньева»), стремясь оградить творчество мужа от несправедливой, по ее мнению, критики. Дневниковые записи Веры Николаевны позволяют увидеть, как личные отношения влияли на литературные оценки, а также раскрывают механизмы борьбы за символический капитал в условиях эмиграции.

С другой стороны, анализ дневников В.Н. Буниной демонстрирует, что ее сближение с Мережковскими в 1929–1930 гг. было во многом обусловлено личной уязвимостью: финансовыми трудностями, творческими поисками, необходимостью поддержки для своих «литературных протеже» (Г. Кузнецовой, Л. Зурова). Однако надежды на душевную близость столкнулись с холодной рациональностью и эгоцентризмом З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Их риторика о «христианской любви» и духовных поисках на практике оборачивалась сосредоточенностью на собственных интересах, что особенно ярко проявилось в интригах вокруг проекта белградского журнала и избирательном внимании к Буниной. Этот конфликт

¹ Исследователи, писавшие об этом периоде, не останавливаются на этих годах подробно; см.: [5, с. 163–199; 12, с. 90–100].

ожиданий и реальности раскрывает более широкую проблему: разрыв между декларируемыми ценностями русской интеллигенции (взаимопомощь, духовное братство) и реальными практиками выживания в эмиграции. Кратко осветим взаимоотношения Буниных и Мережковских с 1920 по 1928 гг.

Общение между семьями началось осенью 1920 г., когда они жили по соседству в Париже. Мережковские свели Бунина с издательством “Bossard”, где впоследствии вышли французские переводы его произведений². С первых же встреч между писателями чувствовалась разница в эстетических предпочтениях, Бунин не признавал заслуг Блока и Белого, тогда как Гиппиус всячески отстаивала художественное дарование символистов. Разные подходы к целям творчества тоже сразу стали темой постоянных споров [4, с. 19–20]. Так, например, в дневниковой записи В.Н. Буниной от 23 января 1921 г. находим: «Зинаида Николаевна судит обо всех свысока. Она параллельно читала Бунина и Куприна: “Полная противоположность во всем у вас”. Укоряла Яна за “Клашу”³: “Немилосердное отношение к читателю. Писатель должен учить, а вы даете лишь картину”»⁴. Однако на первых порах это не мешало общению, а скорее подогревало интерес к спорам.

Летом 1921 г. Гиппиус в переписке подробно рассказала Бунину о Висбадене, окрестностях и стоимости проживания: «Если ж бы вы сюда приехали, то месяц вам вдвоем стоил бы 500 франков» (письмо от 4 июля [3, с. 488]); «Зная ваш капризный характер и боясь ответственности, я вас не убеждаю; но зато нарисую вам беспристрастную картину данного, а там — решайте сами» (письмо от 17 июля [3, с. 489–490]). В итоге Бунины отправились на отдых в Висбаден, несмотря на нежелание Веры Николаевны: «Кое-что купила, теперь можно и в Висбаден, а не хочется» (запись от 21 июля 1921 г., РАЛ. MS 1067/371); во время совместного отпуска она чувствовала себя неуютно в обществе Мережковских [4, с. 31]. С Мережковскими они отдыхали в Висбадене и Нероберге с 30 июля по 15 сентября 1921 г. [4, с. 31–35]. После одной особенно яркой беседы В.Н. Бунина записала в дневнике от 27 августа:

² В переводе М. Донзеля (псевд. Maurice, Maurice Parijanine): «Le Monsieur de San Francisco» (1921; «Господин из Сан-Франциско»), «Le Village» (1922; «Деревня»), «Le Calice de la vie» (1923; «Чаша жизни»).

³ Впервые рассказ был опубликован в: Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. Позднее он был включен в единственный вышедший том объявленного 10-томного собрания сочинений писателя в издательстве «Парус» (Петроград, 1918. Т. 10).

⁴ Русский архи в Лидсе (Великобритания; РАЛ). MS 1067/371. Далее ссылки даются в тексте статьи.

Вчера ½ 11 стук в комнату. Зинаида Николаевна и Ян. Оба возбуждены от споров. «Что же ты не пришла слушать?» — спросил Ян. «Вот нашли слушательницу!» — ответила я. «А мы чего-чего не затронули. И о Боге, и о поле, и о любви». Зинаида Николаевна ушла, а мы пошли гулять. Ян рассказал мне, о чем они так долго говорили: «Нет, с ней говорить можно, а с Мережковским нельзя, с Бальмонтом — нельзя, с Куприным — нельзя. Она много думает и интересуется» (РАЛ. MS 1067/371)⁵.

В 1922 г. дружеские отношения между Буниными и Мережковскими продолжались, как и совместный отдых. С 6 июля по 6 ноября Бунины проживали в старинном имении в Амбуазе, в шато Нуаре, с 25 июля по 7 октября с ними соседствовали Мережковские. В дневнике от 26 июля В.Н. Бунина отмечала: «С ними жить приятно, так как сюрпризов не будет, все размеренно и точно» (РАЛ. MS 1067/374). В ноябре-декабре Бунины и Мережковские находились в Париже и тогда же в общественно-литературной дискуссии русской эмиграции началось серьезное обсуждение Нобелевской премии для русского писателя⁶. В дневнике от 6 декабря 1922 г. В.Н. Бунина пересказала свой разговор с И.И. Манухиным:

Теперь Мережковский уже за то, чтобы Яну дали Нобелевскую премию. А потом уговаривал меня, чтобы я склонила Яна отказаться от премии в пользу Мережковского, а когда Мережковский получит, он поделится. И был очень недоволен, когда я возражала ему, что кроме денег есть кое-что и другое, что оставляет желать получить премию. Ян сказал ему, что Ромен Роллан выставил его кандидатуру в Стокгольме. Он очень оживился, стал строить всякие проекты, словом, впечатление, что мы самые близкие друзья. А я боюсь таких людей: сегодня друг, завтра враг (РАЛ. MS 1067/374).

В конце концов Р. Роллан, к которому обращались с просьбами о выдвижении русских писателей, в январе 1923 г. предложил Но-

⁵ Дневник В.Н. Буниной за 1921 г. содержит много подробных свидетельств об этой поездке, этот сюжет достоин отдельного внимания.

⁶ С лета 1922 г. этому активно способствовал М. Алданов, предлагая в качестве номинантов Бунина, Мережковского и Куприна (см.: [Алданов М.А.]. Нобелевская премия — русским писателям // Слово, Париж. № 4. 17 июля. С. 2). Отметим, что Мережковский воспринимался как серьезный кандидат на Нобелевскую премию с 1914 г.; см.: [7, с. 53].

белевскому комитету рассмотреть кандидатуры Бальмонта, Бунина и Горького⁷.

В 1923 г. Бунины и Мережковские поддерживают постоянное общение. С 17 мая по 9 октября Бунины живут на вилле «Mont Fleury» в Грассе, у них гостят Шмелевы. Бунины нашли виллу «Evelina» по соседству для Мережковских, которые приехали 17 июня и остались до 8 октября. 17 сентября Бунина отметила напряженность в общении со Шмелевыми: «Ох, душно среди них. Одна думает, что всякому великая честь, с кем она говорит, другой вообразил, что только он потрясет мир, только он откроет глаза миру, что за убожество, даже человечество жалко» (РАЛ. MS 1067/379); на следующий день и вовсе «Скандал с Ив<аном> С<ергеевичем> Шмелевым» (РАЛ. MS 1067/379), то же самое 23 сентября, но уже в гостях у Мережковских, В.Н. Бунина записала: «Вообще, трудно подыскать более не подходящих людей, к<а>к Шмелев и Мережковские»⁸ (РАЛ. MS 1067/379). С этого момента отношения между Буниными и Мережковскими постепенно «охлаждаются». С 1924 г. Мережковские реже упоминаются в дневнике В.Н. Буниной в положительном ключе. Даже очередное соседство в Грассе на виллах «Mont Fleury» и «Evelina» рефлексировалось и позднее вспоминалось негативно [4, с. 72]. Лето 1925 г. Бунины проводили в Грассе на вилле «Бельведер», соседствуя с И.И. Фондаминским. Илья Исидорович показал «по секрету» Буниным статью З.Н. Гиппиус о «Митиной любви»⁹, «возмущение Бунина приводит к тому, что статья не появляется в “Современных записках” (а печатается в “Последних новостях”)» [4, с. 84]. 3 июля Бунины посетили Мережковских, остановившихся на вилле «Alba», с ними они долго спорили о «Митиной любви».

Поднялся спор сначала с ней одной <З.Н. Гиппиус>, потом подошел Дм<итрий> С<ергеевич> на подмогу. Он не оспаривал нелогичность <статьи З.Н. Гиппиус>, но говорил аллогичности. И понес по обыкновению свою высокопарность. Протянул от Мити

⁷ О роли Р. Роллана в выдвижении Бунина см.: [7, с. 257–259].

⁸ Пересказывая содержание бесед, В.Н. Бунина обращала внимание и на различие политических взглядов Бунина, Шмелева и Мережковского. 25 сентября досталось и З.Н. Гиппиус: «Просматривали сегодня те пометки, кот<орые> З<инаида> Н<иколаевна> сделала на воспомин<аниях> гр<афини> Палей. И я была потрясена бессердеч<ем>, безвкусицей и тупостью З<инаиды> Н<иколаевны>» (РАЛ. MS 1067/379). Речь о книге «Воспоминания о России» Ольги Валерьяновны Палей (1865–1929), впервые опубликованной в Париже в 1923 г. См.: *Princesse Paley. Souvenirs de Russie, 1916–1919* / préf. de Paul Bourget. Paris: Plon- Nourrit, cop. 1923. XV, 319 p.

⁹ Первая публ. повести: Бунин И.А. Митина любовь // Современные записки. 1925. № 23. С. 13–54; № 24. С. 5–40. Рец.: Гиппиус З.Н. О любви: II. «Любовь и красота» // Последние новости. 1925. 25 июня (№ 1585). С. 2; 2 июля (№ 1591). С. 2.

к большевикам и т. д. И тоже было много нелогичностей, то в Мите нет никакой личности, то во всякой любви есть личность, только не замечают. Но главное, я чувствую враждебность, и Митя только придирка. <...> Трудно записать весь этот сумбурный разговор. Но ясно — Мережковские хотят погубить Бунина (РАЛ. MS 1067/383).

Наконец, после следующих встреч с Мережковскими (7, 10 июля) В.Н. Бунина окончательно заключила, что нападки Мережковских напрямую связаны с Нобелевской премией: «Я думаю, теперь у Мережковских цель — развенчивать Яна. Вероятно, Ив<ан> Ив<анович Манухин> в злобе поведал им, что Яна представлял в кандидаты на Нобелевскую премию Ромэн Роллан» (запись от 10 июля, РАЛ. MS 1067/383; тоже самое записала В.Н. Бунина и 24 июля).

В 1926–1928 гг. встречи с Мережковскими становятся все реже (РАЛ. MS 1067/385, 388, 390–394). Но в 1929–1930 гг. в дневнике Веры Николаевны вновь можно найти множество записей о Д.С. Мережковском и З.Н. Гиппиус, свидетельствующих об «оттепели» со стороны Веры Николаевны. На это указывает и участвовавшая переписка между Буниной и Гиппиус. Это объясняется личными причинами.

В 1928–1930 гг. Вера Николаевна переживала непростые времена. Помимо усугубившегося финансового положения, она была вынуждена мириться с присутствием в доме Буниных Галины Кузнецовой — молодой ученицы Бунина. В это же время, желая заработать, Вера Николаевна подрабатывала переписчицей, а также начала пробовать и искать себя в роли писательницы: с 1927 по 1936 гг. она опубликовала в эмигрантских газетах «Возрождение», «Последние новости» и «Россия и славянство» 15 очерков (см.: [13; 14]). Семь очерков пришлось как раз на 1929–1930 гг., что с одной стороны свидетельствовало о продуктивной литературной работе В.Н. Буниной, а с другой подтверждало нужду в деньгах (в эти годы она периодически занимала деньги у Мережковских и отмечала это в дневнике). Кроме того, к 1929 г. Вера Николаевна уже более 10 лет непрерывно вела дневник и старалась записывать все важные и значимые события в доме Буниных, а также вела своеобразную «летопись» русской эмиграции во Франции (см.: [11]). Отметим, что в 1929 г. она начала работу над «ранними “Беседами с памятью”» (РАЛ. MS 1067/145) (см.: [10]) — крупной неопубликованной автобиографией писательницы. В эти же годы Вера Николаевна стала глубоко религиозным человеком, читала христианских и буддийских философов и часто посещала церковь. Темы литературы, писательства, религии и пои-

ски своего творческого «Я» часто становились предметом личных бесед Буниной с Мережковским и особенно с Гиппиус. Кроме того, именно в эти годы Бунина впервые посещает собрания «Воскресенья» Мережковских и вновь приходит на некоторые заседания «Зеленой лампы». В эти годы литературные связи Мережковских интересны Буниным для протектирования Г. Кузнецовой и Л. Зурова (своих литературных «детей»), о чем также свидетельствует дневник В.Н. Буниной. Стоит также упомянуть, что к концу 1928 г. в русском зарубежье временно затихли споры о Нобелевской премии. Возможно, эти личные изменения и причины побудили Веру Николаевну к «оттепели» в отношениях с Мережковскими в 1929–1930-е гг. Итак, рассмотрим подробно историко-литературный контекст «оттепельных» лет в отношениях Буниных и Мережковских.

В январе-феврале 1929 г. Вера Николаевна несколько раз отмечает деятельность Мережковских, связанную с проектом русского журнала в Сербии: «Открытие от Н.Ив. Кульман<а>. “Журнал в Сербии провалился из-за интриг”. Мережковских это зарежет» (3 января 1929, РАЛ. MS 1067/395). Этот сюжет, который эхом будет отзываться следующие несколько лет, впервые обсуждался в мае 1925 г. [4, с. 84], а по-настоящему начал разворачиваться с 24 июня 1928 г., когда по инициативе Русского культурного комитета в Белграде и по предложению Е.В. Спекторского и А. Белича было решено пригласить читать лекции в Русский научный институт И.А. Бунина и Д.С. Мережковского. На том же заседании был рассмотрен вопрос о литературно-художественном журнале, куда Бунина и Мережковского хотели привлечь в качестве редакторов [9, с. 814] вместе с П.Б. Струве. Белич поехал во Францию и лично предложил Бунину и Мережковскому стать редакторами. Встреча Белича с Буниным состоялась 31 августа — 1 сентября 1928 г. [4, с. 122]. По свидетельству Веры Николаевны, Бунин отказался сразу: «На днях у нас был Белич <...>. Белич хочет, чтобы журнал был бы самым лучшим, самым интересным. Что он наметил редакторов: Мережковского, Бунина и Струве, который будет жить в Белграде и фактически и технически руководить журналом. Ян отказался от редакторства: и некогда, и, по его мнению, втроем это делать невозможно, да и взгляды литературные диаметрально противоположные. Уж лучше пусть будет редактором один Струве» (3 сентября 1928, РАЛ. MS. 1067/393).

Примечательно, что Бунин предпочел Струве, а согласившийся Мережковский сразу начал интриговать против Петра Бернгардовича и весьма удачно: «Не желая работать бок о бок со Струве по соображениям чисто политического свойства, Мережковские

сумели настроить против него и персонально Белича, и Русский культурный комитет, и ряд влиятельных сербских сановников» [9, с. 816]. На встрече Бунина с Беличем обсуждался также Зарубежный съезд русских писателей и журналистов в Белграде (он был запланирован на 25 сентября 1928 г.), по итогу Бунин на съезд не поехал, а Мережковские его посетили и, в том числе, обсудили состав редакторов журнала, а также книгоиздательские дела. 13 февраля 1929 г. Вера Николаевна вновь возвращается к этому сюжету: «Вчерашним обедом Ян доволен¹⁰. Хотя много говорили о сербском издательстве. Маковский призывал Ходасевича и уговаривал его быть там редактором, то есть плясать под дудочку Мережк<овского>. Он с возмущением отказался. Вот неугомонные люди! Везде пробуют!» (РАЛ. MS 1067/395). Оппортунизм и конформизм Мережковских в эти годы вызывал у Буниных замешательство и иронию. Схожую реакцию, но по другому поводу фиксирует Вера Николаевна 5 января 1929 г.:

Заметка, что Гиппиус будет читать в «Зеленой лампе» «Мечты о царе»¹¹. Ян сказал: «Даже страшно: старуха со стоящими глазами, почти ничего не видящими, глухая, плетется за левыми, — все боится, что ее обвинят в правизне, — зрелище жалкое! Всех ей хочется уколоть, и никому-то она не нужна, ни левым, ни правым, так же и он. Теперь они хотят поправить свои дела евреями. Все это очень противно. Выдумала теперь «мечты о царе», чтобы лишний раз сказать, что она против царя.

— Да, всего смешнее, что говорить она будет тем, кто меньше всего думает о царе (РАЛ. MS 1067/395).

С 2 февраля по 25 апреля 1929 г. Бунины и Галина Кузнецова живут в Париже, посещают светские мероприятия, литературные вечера и встречаются со многими знакомыми. 7 февраля, желая найти у кого занять на короткий срок деньги, Вера Николаевна «зашла к Зинаиде Николасевне», она дала с радостью и с условием, что 150 фр<анков> отдам в субботу, а 100 фр<анков> на неделе» (РАЛ. MS 1067/395). Видимо, Вера Николаевна одалживала деньги у Зинаиды Николаевны для покупки пальто Ивану Алексеевичу.

¹⁰ 12 февраля Вера Николаевна записала: «“Мальчишки” идут обедать: Ян, Борис, Макс, Пэтя, Владя, Илюша, Мишечка» (РАЛ. MS 1067/395), то есть И.А. Бунин, Б.К. Заицев, М.А. Алданов, П.П. Муратов, В.Ф. Ходасевич, И.И. Фондаминский, М.О. Цетлин.

¹¹ См: *Ла-Брэ*. «Мечта о царе» // За свободу! 1929. 19 января. № 16 (2649). С. 2. Отчет о собрании «Зеленой лампы» 5 января 1929 г., на котором обсуждался доклад З.Н. Гиппиус «Мечта о царе».

На это указывает запись, сделанная на следующий день, в которой «объясняется» любезность Гиппиус: «Ил<ья> Ис<идорович> Фондаминский» рассказал, что З<инаида> Н<иколаевна> написала рецензию в “За свободу” о книжке “Совр<еменных> з<аписок>”. Презрительно-кратко. О “Ж<изни> Ар<сеньева>” так: “Описана ночь лунная и не лунная и утехы любви молодого человека”... Вот чем объясняется любезность и забота, что у Яна нет пальто» (8 февраля, РАЛ. MS 1067/395). В рецензии Гиппиус о «Жизни Арсеньева» писала:

Сначала, конечно, И. Бунин. Продолжение обстоятельнейшего рассказа, как вырастал дворянский сын в русской усадьбе. Хотя гимназии не кончил (за что отец звал его «недорослем»), но много читал, писал стихи и вообще обнаруживал большие способности. Описывается ряд впечатлений, которые производила на него природа: весной, летом, осенью, зимой, в ночь лунную, в ночь безлунную и т. д. Также потрясающее впечатление от смерти родственника (особенно подробно описаны гроб, труп, могила). За тем идут впечатления от первых любовных деревенских утех¹².

9 февраля Бунины и Фондаминский запланировали посетить Мережковских: «Ил<ия> Ис<идорович> уговаривал Г<алину> идти сегодня к Мер<ежковским>. Но Г<алина> решила не ходить, т<ак> к<а>к приглашения от З<инаиды> Н<иколаевны> не было. Я одобряю ее решение» (РАЛ. MS 1067/395). 10 февраля Вера Николаевна отметила: «Хорошо, что Г<алина> раздумала идти к Мереж<ковским>. З<инаида> Н<иколаевна> ни слова о ней не спросила» (РАЛ. MS 1067/395). Вопрос «введения» Галины Кузнецовой в круг Мережковских [12, с. 91]¹³ продолжал беспокоить Веру Николаевну, 17 февраля она записала: «Домой вернулась пешком. Перекусила. Поэты пошли к Мережковским. Собираюсь к Гукасовым. Мне ужасно жаль Г<алину>» (РАЛ. MS 1067/395). Галину в очередной раз не пригласили и, вероятно, она не поддалась на уговоры Фондаминского. Наконец 10 марта Вера Николаевна сделала краткую запись в дневнике: «Галина у Мереж<ковских>» (РАЛ. MS 1067/395). Возможно, Вера Николаевна учитывала важность представления Галины Кузнецовой в доме Мережковских, т. к. это было связано

¹² Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]. Без критики. (О «Современных записках») // За свободу! 1929. 23 января. № 20 (2653). С. 3. В № 37 журнала была опубликована третья книга «Жизни Арсеньева» (Современные записки. 1928. № 37. С. 5–56).

¹³ Исследователь утверждает, что Гиппиус намеренно «третировала» Кузнецову с 1927 г. «тем, что просто не замечала долгое время» (С. 91).

с «инициацией» молодой поэтессы в круг парижских литераторов, об этой «законной» обрядовости упоминали современники¹⁴.

Вскоре (20 марта) у Веры Николаевны появилась возможность посмотреть на подготовку к заседанию «Зеленой лампы»¹⁵ живую (также присутствовали Г.В. Адамович и Н.А. Оцуп), по результатам репетиции она заключила: «Я поняла, что им просто хочется внедрять свои идеи, и все. Оцупы лишь терпят, так как нет лучших. Удивительная у них энергия, свежесть чувств, как будто они только начинают жить» (РАЛ. MS 1067/395). Заседание состоялось 24–25 марта и Бунина на нем побывала, в дневнике она отметила кратко: «Зеленая лампа» (24 марта, РАЛ. MS 1067/395), чуть подробнее в записи от 25 марта: «...потом “Зел<еная> л<ампа>”. <...> У Мер<ежковских> была <в> 25 м. восьмого» (РАЛ. MS 1067/395). На следующий день Вера Николаевна дополнила: «Вчера на “Зел<еную> лампу” Мережк<овские> не приехали, — заболела З<инаида> Н<иколаевна>» (РАЛ. MS 1067/395)¹⁶. 1 апреля Вера Николаевна, видимо, желая провести Гиппиус, «<в>ечером пошла <к> З<инаиде> Н<иколаевне>». Думала, никого не будет, ан Манухины пришли. Немного посидела с ними. Разговор о Розанове. М<анухина> принесла “Темный лик”¹⁷, только что прочла она его» (РАЛ. MS 1067/395). Через несколько дней Вера Николаевна вновь посетила Мережковских, вероятно, темы бесед, повторились: «Третьего дня я опять встретила их <Манухиных> у З<инаиды> Н<иколаевны>. Они оба были любезны. Но я сдержана» (3 апреля, РАЛ. MS 1067/395).

Тем не менее, интерес к литературному кругу Мережковских у В.Н. Буниной в Париже только усиливался. Гиппиус тоже была расположена к Буниной и в письме от 11 апреля 1929 г. приглашала ее в гости: «Очень мне досадно, что ни разу не пришлось с вами посидеть, как следует поболтать. <...> Отчего вы хоть в воскресенье

¹⁴ «Мережковские всегда интересовались новыми людьми. Если кто-нибудь из еще не известных им “молодых” выпускал книгу или обращал на себя внимание талантливым выступлением на каком-нибудь литературном собрании, существовал “закон”, в силу которого “новый человек” должен быть представлен Мережковским на рассмотрение» (Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 53).

¹⁵ «Все темы, все вопросы, поднятые в “Зеленой лампе”, требовали серьезной постановки, настаивали Мережковские, а прения — серьезных решений. Поэтому тема докладчика и по возможности аргументы оппонентов выслушивались почти всегда сначала на предварительном закрытом заседании в тесном кругу устроителей общества и их ближайших сотрудников» [8, с. 351–352].

¹⁶ Отметим, что в энциклопедической статье указано, что Гиппиус и Мережковский присутствовали на этом заседании: «25 марта 1929. Собеседование: “Спор Белинского с Гоголем”. Вступительное слово Н.А. Оцупа. В прениях участвовали Г.В. Адамович, Г.О. Гершенкронн, З.Н. Гиппиус, М.Л. Кантор, Д.С. Мережковский, В.И. Талин (Иванович), М.О. Цетлин и др.» [6, с. 171].

¹⁷ Розанов В.В. Темный лик: метафизика христианства. СПб: типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. 285 с.

не придете, если вам не скучны наши деловые “ламповые” разговоры?» [3, с. 676]. Вера Николаевна приглашением воспользовалась, 14 апреля (вечером воскресенья, после посещения Мережковских) она записала:

Впервые была у Мережковских на «Воскресенье». Пришла первая. У Зинаиды Николаевны — опять процесс в легких, печени, селезенке. Принялся лечить Манухин. Она очень мила. Говорили о книге Познера¹⁸. Она возмущается. Я сказала, что он, собственно, хотел выразить ее мысли, но оказался неприятной обезьяной.

На «воскресенье» готовились к вечерам о любви. Дм^{итрий} Сергеевич читал о «Содоме и Сионе», о «войне и поле», об однополый любви¹⁹. Было занятно и слушать, и смотреть на тихих мальчиков, чинно сидевших в ряд. Была и Одоевцева (РАЛ. MS 1067/395).

Наконец, после литературного вечера Бунина у Цетлиных 17 апреля, — где, к слову, Мережковские не присутствовали — все основные и главные парижские мероприятия были завершены, и 25 апреля Бунины покинули Париж; с 28 апреля 1929 г. по 31 января 1930 г. они жили в Грассе [4, с. 132]. До 30 июня с ними жил И.И. Фондаминский, в компании с которым Вера Николаевна проводила много времени. В эти дни Илья Исидорович часто обсуждал Мережковских и их неприятные манеры поведения с Буниными (см, например, запись от 20 июня, РАЛ. MS 1067/395). В дневниках Веры Николаевны в эти месяцы постоянно наблюдается метание между позицией Мережковских и позицией Фондаминского. При этом Вера Николаевна всегда отдает должное уму Гиппиус и даже в понравившейся ей рецензии Д.В. Филофова на книгу Ф.А. Степуна «Николай Переслегин»²⁰ в первую очередь видит «след» и влияние Гиппиус (23 июня, РАЛ. MS 1067/395).

5 июля 1929 г. Бунины посетили Мережковских: «Ездили к Мережковским» (РАЛ. MS 1067/395). 10 июля Вера Николаевна вновь встретила Зинаиду Николаевну:

Была у Зинаиды Николаевны. Поняла, почему ей хочется меня, тут все дело в Яне. Она не все понимает. Разговор меня было

¹⁸ Возможно, речь о книге: *Познер В.* Стихи на случай: 1925–1928. Париж: [Б. и.], 1928. 89 с.

¹⁹ Видимо, часть доклада была основа на будущей публикации книги: *Мережковский Д.С.* Тайна Запада: Атлантида-Европа. Белград: [Б. и.], 1930. Ч. I–II. 532 с.

²⁰ *Степун Ф.* Николай Переслегин. Париж: Современные записки, 1929. 425 с.

расстроил, но затем я вспомнила И<люшу>, представила, как он должен бы отнестись на моем месте, и вдруг успокоилась, решила сдержаться и передать Яну все в смягченных тонах.

И какое непонимание у З<инаиды> Н<иколаевны> Яна и всех человеческих чувств и неумение смотреть на все со стороны <...>. Хорошо одно, что я с Яном говорила мирно (РАЛ. MS 1067/395).

Возможно, предметом разговора между Буниной и Гиппиус был перевод 5050 франков, которые получила Гиппиус от промышленника, мецената и общественного деятеля Сергея Ивановича Четверикова (1850–11 декабря 1929), и предложение Н.М. Гольденвейзера организовать совместное издательство на паях [3, с. 677]. Вероятно, Зинаида Николаевна предполагала привлечь Бунина к данному предприятию, предварительно переговорив с Верой Николаевной, но утверждать это нельзя: позже никто не упоминал об этом сюжете.

В следующий раз Бунина посетила Мережковских 22 июля: «Была у Мережковских, взяла следующие два тома Proust'a. Дм<итрий> С<ергеевич> страшно исхудал, видимо, страдает от жары. У З<инаиды> Н<иколаевны> вид лучше» (РАЛ. MS 1067/395). Стоит отметить, что эпопея М. Пруста произвела сильнейшее впечатление на Веру Николаевну, о ней она часто писала в дневниках в эти годы, читала книги о Прусте, а также обсуждала романы и личность Пруста со всеми знакомыми. Дочитав очередной том «В поисках утраченного времени», Вера Николаевна вновь отправилась к Мережковским 10 августа: «Кончила Le Coté de Guermantes. Еду к Мережковским.<...>. После завтрака мы с З<инаидой> Н<иколаевной> долго разговаривали. <...> Разговор был все время интересный. 1) О Прусте, она сказала, что Proust все возится с личностью, и это ценно. 2) Об “Я”, я сказала, что с нек<оторых> пор стала чувствовать, что все, чем оно было засорено за годы жизни, стало о<т>ставать, и я стала чувствовать его так, как в 5, 6 лет. Она сказала, что это начало мудрости. 3) О Шестове. “Шестов очень способный”, но у него нет Бога. Вот прочтите Шеллинга. 4) Об А<малии> О<сиповне>²¹ <...> 5) <О> Б<арышне>²². <...> З<инаида> Н<иколаевна> гов<орила> о ней с симпатией (РАЛ. MS 1067/395).

Интересно, что в этот раз литература и конкретно Пруст становятся поводом для сближения между Буниной и Мережков-

²¹ Амалия Осиповна Фондаминская (1882–1935) — деятель революционного движения; с 1903 г. жена И.И. Фондаминского.

²² Барышня — часто встречаемое в дневнике Веры Николаевны именование Галины Кузнецовой.

скими и с обсуждения литературы они переходят на более личные и доверительные беседы о себе и знакомых из близкого окружения. 2 сентября они свиделись вновь: «Я у Зинаиды Николаевны». Купалась одна» (РАЛ. MS 1067/395). Одной из главных тем беседы стала рецензия Ходасевича²³ на книгу «Избранных стихов» Бунина²⁴. На следующий день (3 сентября) Вера Николаевна дополнила в дневнике: «Вспоминаю, как вчера Зинаида Николаевна говорила о своих сестрах. Она их действительно любит. Даже лицо у нее делается добрым, просветленным» (РАЛ. MS 1067/395). 15 сентября в письме Гиппиус сообщила, что она и Дмитрий Сергеевич поправились, и пригласила «весь, без исключения» [3, с. 678] Бельведер в гости. Встреча состоялась, 18 сентября Вера Николаевна так резюмировала ее: «Мережковские были очень любезны, видимо, рады, что Ян приехал» (РАЛ. MS 1067/395).

3 и 5 октября Вера Николаевна, заинтересовавшись опубликованными в газете стихами Мережковского «Я не был счастлив никогда»²⁵ и Гиппиус «Нить»²⁶, вклеила их в свой дневник.

13 ноября Бунины посетили Мережковских вновь, Вера Николаевна отметила: «“как пышно, как богато”. В отличном они настроении. Премия Нобеля, данная Томасу Манну, не расстроила. Дмитрий Сергеевич развивал мысль, что будет хуже. Деньги истратишь, а уже после этого никто не поможет, а разве это много?»²⁷ <...> Зинаида Николаевна осталась довольна “райским видением”. Читала нам из своих статей. Одно она понимает удивительно правильно, а к другому глуха» (РАЛ. MS 1067/395). 3 декабря Бунина вместе с Н.Я. Рожиным ездила в Канн, после того как они расстались, она направилась к Мережковским: «Зинаида Николаевна говорила опять о Савинкове, об его романах. <...> Потом я гуляла с ними, был чудесно серо-зеленоватый вечер,

²³ Ходасевич В.Ф. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 авг. (№ 1535). С. 3–4.

²⁴ Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

²⁵ См.: Мережковский Д.С. Я не был счастлив никогда // Сегодня. 1929. 29 сент. № 270. С. 21. На этой же странице был опубликован очерк З.Н. Гиппиус «Мелькнувшее мгновенно», посвященный трагической судьбе террористки из боевого крыла эсеров — Марии Алексеевны Прокофьевы (1883–1913). Возможно, в какой-то степени, именно этот очерк вдохновил Веру Николаевну написать похожий очерк о своей гимназической подруге, революционерке Ю.И. Жилевич, совершившей самоубийство летом 1915 г. (см.: Муромцева В. Завещание // Последние новости. 1933. 28 апр. № 4419. С. 2.; см. также: [13, с. 329–330]).

²⁶ Впервые: Журнал для всех. 1902. № 2. Стб. 191–192. Републикация этого стихотворения в эмигрантских газетах осенью 1929 г. пока не обнаружена.

²⁷ В 1920–1930 годы, до получения Нобелевской премии 1933 года Буниным, Мережковским, Бунин и Горький всерьез рассматривались как наиболее возможные русские кандидаты на премию. Однако, по всей видимости, после 1925 г. и до конца 1930 г. эта тема не обсуждалась так серьезно русской эмиграцией, особенно прямыми конкурентами: Буниным и Мережковским; см.: [7].

с большой волной, восточный берег казался средневековой гравюрой. Потом пили кофе. Д<митрий> С<ергеевич> пошел к дантистке, а мы с З<инаидой> Н<иколаевной> на площадь к Рошину и с ним опять на набережную, З<инаида> Н<иколаевна> была очень весела, игрива» (РАЛ. MS 1067/395). В этих записях чувствуется и вовсе теплое расположение Веры Николаевны к Зинаиде Николаевне. Темой бесед явно продолжал быть Пруст. Об этом свидетельствует и запись от 12 декабря накануне отъезда Мережковских в Париж: «Ян с Г<алиной> ездили в Канн. Она посмотреть шляпы, он к Мережковским спросить, когда они уезжают и когда нужны книги З<инаиде> Н<иколаевне>. З<инаида> Н<иколаевна>, видимо, хочет видеть Зурова: “пусть Зуров привезет в субботу”, — вероятно, и любопытно, и уже враждебно настроена. Поэкзаменовать хочется, а затем в Париже заявить: Какой? Да никакой!» (РАЛ. MS 1067/395). Как раз накануне, 23 ноября в дом Буниных приехал молодой писатель Леонид Федорович Зуров, и В.Н. Бунина быстро прониклась и привязалась к нему, чем и объясняется ее осторожность в дневниковой записи. Вероятно, в это посещение Буниным Мережковских (или в какое-то следующее посещение 14–15 декабря, или в письме) Зинаида Николаевна была не очень расположена, в дневнике Бунина записала: «Вот почему З<инаида> Н<иколаевна> опять злобствовала на Бунина, вероятно, из-за статьи Пильского²⁸ о “Грамматике любви”» (15 декабря, РАЛ. MS 1067/395). На следующий день Вера Николаевна дополнила: «Написала письмо З<инаиде> Н<иколаевне>, что приехать не можем, так как сидим без groschob <грошей>. Вероятно, будет недовольна. Но лучше отойти от зла. Они поймут, что даже втроем и то стоит почти 50 фр<анков>» (РАЛ. MS 1067/395).

Следующие записи относятся уже к 1930 году. В письме от 23 января Зинаида Николаевна пересказала парижские новости, сообщила, что пособие от чехов придет сразу за 2 месяца, и написала, что ждет встречи в феврале [3, с. 679–680]. Бунины приехали в Париж 1 февраля и пробыли до 12 мая. На этот раз вместе с ними отправилась не только Кузнецова, но и Зуров. В этом году в качестве молодого писателя русскому Парижу представляли его. Примечательно, что Гиппиус накануне отъезда хотела составить

²⁸ См.: П–ский П. [Пильский П.М.]. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Грамматика любви. Избранные рассказы. Белград, 1929] // Сегодня. 1929. 9 дек. (№ 341). С. 6. Что именно не понравилось З.Н. Гиппиус — сказать сложно: Пильский благожелательно высказался о книге Бунина и никак не упомянул Гиппиус или Мережковского. Возможно, это как-то связано с тем, что книга вышла в Белграде в изд. «Русская типография» под руководством А. Белича и В.Д. Брянского; см.: [9, с. 819].

первое мнение о нем. Эта же тема подмечена Верой Николаевной в дневнике от 3 февраля 1930 г. Бунины вместе с Кузнецовой и Зуровым пришли на завтрак к И.И. и А.М. Фондаминским, были также Алданов, Мережковские и Злобин: «завтрак с И<льей> И<сидоровичем>. Он пополнил, но свеж. Говорил много со Скобарем²⁹. Скобарь рассказывал много интересного о монастырях, о псковщине. Видимо, он понравился. <...> Были и Мережковские, на Скобаря ноль внимания³⁰, он держал себя молодцом, в меру ухаживал за Рашель³¹, в меру принимал участие в общем разговоре» (РАЛ. MS 1067/398). 7 февраля Бунины принимали Зайцевых, и Вера Николаевна записала: «Зайцев хорошо рассказал о Мережковских в Белграде, — они объединили всю эмиграцию: “Раз в театре сижу, с одной стороны Вишняк, с другой Давац (?), вдруг, в третьем акте вижу, в ложу входят М<ережковские>, и вдруг слышу слева: сволочь, а справа: стерва!”» (РАЛ. MS 1067/398). История явно указывает на устроенные Мережковскими вокруг несостоявшегося белградского журнала интриги.

13 февраля Бунины посетили Мережковских: «Потом пошли к Мережковским. З<инаида> Н<иколаевна> долго рассказывала о “Числах”³², о том, что ее “заставили” написать статью, что не дают корректуры. Говорили о критике³³. Я высказывала свое мнение, что нужно писать, не боясь» (РАЛ. MS 1067/398). Видимо, мнения, высказанные Зинаидой Николаевной в статье, стали темой обсуждения и, судя по тону записи Веры Николаевны, она не пове-рила, что ее «заставили» писать. Кроме того, Гиппиус похвалила

²⁹ Скобарь, Лось, Питомец — прозвища Л.Ф. Зурова в доме Буниных.

³⁰ Примечательно, что похожую стратегию игнорирования использовали Мережковские в 1927–1929 гг. на Галине Кузнецовой, не приглашая и избегая ее какое-то время.

³¹ Вероятнее всего, речь о Розе «Рери» Осоргиной (урожд. Рахиль Ушеровна / Гиршевна Гинцберг; 1885–1957), Вера Николаевна иногда в записях называет ее Рахиль, но чаще «Рери», в данном случае возможно написание имени Рахиль на французский манер. Днем раньше Бунина виделась с Осоргиной, в записи от 2 февраля: «Рери поправилась. Очень мила и трогательно несчастна» (РАЛ. MS 1067/398). В круг Буниных также входила Рашель М. Соколова (1907–1992) — вероятно, деятель балета, жена М. Соколова и племянница В.Р. Мартыновой.

³² Речь о статье: *Антон Крайний* [Гиппиус З.Н.]. Литературные размышления // Числа. Париж, 1930. № 1. С. 144–149; № 2/3. С. 148–154; № 4. С. 149–157. В первой части «Литературных размышлений» (№ 1) Гиппиус писала о Буinine и «Жизни Арсеньева». В частности, о том, что Бунин не понял современную ему литературу: «Когда я думаю об этом, и о таком крупном писателе-человеке, как Бунин, мне становится жалко и больно. Не то жаль, что течение литературы, движение, прошло мимо него и что не понял он движения, чуждого его природе, его складу, его таланту: тут его естественное право. А вот понять, что он всего этого не понимает, — он мог бы; и мне жаль и обидно за Бунина, что такого простого понимания у него нет» [2, с. 141]; курсив автора.

³³ С разговора о критике начала З.Н. Гиппиус свою статью: «Критики у нас нет. И, может быть, это хорошо. Сами критики не хотят критики. И, может быть, они правы. Не будем вдаваться в объяснения, почему и отчего. Слишком сложно и длинно. Лучше просто примем это как факт» [2, с. 136].

рассказ Г. Кузнецовой «Ночлег», вошедший в сборник «Утро»³⁴. 16 февраля Бунины вновь посетили Мережковских, Вера Николаевна кратко отметила: «У Мережковских народу было много» (РАЛ. MS 1067/398).

Через месяц (16 марта), видимо думая, как лучше устроить дела Зурова и помочь ему войти в литературные круги, Бунины обратились к Мережковским. Вероятно, важным фактором стала личная просьба Бунина: «Я с Яном зашли к Мережковским и спросили, можно ли Зурову прийти на их “воскресенье”. Зинаида Николаевна милостиво разрешила» (РАЛ. MS 1067/398).

Весной Бунины присутствовали на нескольких заседаниях «Зеленой лампы» [12, с. 82–83]. 4 апреля в редакции «Современных записок» праздновался юбилей Ходасевича (25 лет литературной деятельности), Бунины, Кузнецова и Зуров были приглашены, Иван Алексеевич председательствовал на банкете. 5 апреля Вера Николаевна подробно записала происходившее — ее посадили рядом с Мережковским, диалог с которым показался Буниной интересным: «Он рассказал мне, что видел черта, когда ему было пять лет, у прилолки: высокий, тонкий, окутан в черное, — это очень интересно, а то, что я видел Стасюлевича, это совсем не интересно, а как рассказать об “интересном”, о запахах, о цвете обоев и т. д. А черта я видел сряду три дня, и меня боялись вносить потом в ту комнату» (РАЛ. MS 1067/398).

Далее Мережковские появляются в записях Веры Николаевны в пересказах и слухах. 25 апреля она записала, что «Мережковский увлечен синематографом» (РАЛ. MS 1067/398), 25 июня со слов М.А. Алданова пересказала сцену примирения между Мережковскими, Ходасевичами и Вишняком, а после с Фондаминскими и Алдановым Бунины «говорили долго о Мережковских. Илья Исидорович думает, что на Зинаиду Николаевну находит минутами злоба, и она начинает кого-нибудь костить»³⁵. Я высказала свое мнение насчет ее брутства, но успеха это не имело. А я думаю, что я права. Ян был в ударе, хорошо говорил о Мережковском, о том, как он, когда ему не нужно чего-нибудь добиваться, бывает умен, блестящ, но затем быстро может нести околесины» (РАЛ. MS 1067/398). В этой записи вновь чувствуется настороженность Буниной по отношению к Гиппиус, которая особенно часто проявляется

³⁴ См.: Кузнецова Г.Н. Утро. Париж: Современные записки, 1930. 176 с.

³⁵ Примечательно, что в своем письме к В.Н. Буниной от 12 июня она писала: «Вообще же чета Фонд-аминских и меня забыла: я даже не знаю адреса их в Грассе!» [3, с. 681].

в обсуждениях с Фондаминским и кругом близких друзей; интересно и сформировавшееся мнение Буниной о «брутстве» Гиппиус.

19 июля 1930 г. Бунина вместе с Зуровым отправилась в Жюан-ле-Пен, где встретили Мережковских, этот день она подробно описала в дневнике 20 июля:

Мы шли берегом. <...> Под Платанами увидели Мережковских, уже собравшихся уходить. С ними сидел молодой человек. Оказался сыном Шалапина. <...> С Ал<дановыми> Мережковские не были очень любезны, и они сейчас же уехали к себе, хотя могли еще провести время. <...> Они с Шалапиным мастерят фильму и поэтому не хотят, чтобы к ним приходили днем. <...> Д<митрий> С<ергеевич> рассказал, что Иванов, синемаграфщик, потерял 1600000, и все жалел, что не сорвал у него аванса³⁶ (РАЛ. MS 1067/398).

Финансовое благополучие Мережковских, по мнению Веры Николаевны, хорошо отражается на них, но при этом они сразу охлаждаются ко всем остальным. Летом-осенью она несколько раз обращает на это внимание в своих записях: «В Каннах видели пять минут Мережковских, они были такими, какими я люблю их» (30 июня, РАЛ. MS 1067/398); «Была у Мережковских. Милы, любезны, как всегда, когда у них дела хороши. Фильма подвигается» (11 августа, РАЛ. MS 1067/398); «Вчера были у Мережковских. Д<митрий> С<ергеевич> в необыкновенно хорошем настроении, как у него всегда хорошо сказывается материальное благополучие! Он становится добр, остроумен, блестящ» (15 ноября, РАЛ. MS 1067/398).

В это же время Вера Николаевна увлечена Мережковским-писателем, 31 июля она записала: «Прочла 20 страниц “Атлантиды”. Мне интересно, но до дна я Мережковского не понимаю. А может быть, он сам не понимает себя до конца?» Несмотря на иронию в адрес «Атлантиды» со стороны Ивана Алексеевича: «Завтракал у нас Мочульский. <...> Потом Ян хорошо рассказывал, как Володя³⁷ говорил, что Атлантида погибла, по Мережковскому, от черной магии и “содома”, Мочульский очень смеялся» (2 сентября, РАЛ. MS 1067/398), — Вера Николаевна всерьез заинтересовалась романом. 15 ноября Бунины

³⁶ Сюжет с неудавшимся фильмом Мережковских уже хорошо изучен (см. [1]), в том числе с использованием этой и других цитат из дневника В.Н. Буниной (ср. запись от 11 августа; РАЛ. MS 1067/398).

³⁷ Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) — поэт, критик и секретарь Мережковских, долгое время проживавший с ними.

посетили³⁸ Мережковских, и одной из тем была «Атлантида», Дмитрий Сергеевич советовал Вере Николаевне «прочитать конец и начало... “Середина скучна”...» (РАЛ. MS 1067/398). 23 ноября Вера Николаевна записала: «Я сказала Д<митрию> С<ергеевичу>, что мне нравится “Атлантида”, что читаю ее с удовольствием, порой трудно оторваться. Он заметил, что она дает ключ к пониманию Христианства, беспорочного зачатия, догмата Троицы. И стал объяснять, но я не слышала, так как З<инаида> Н<иколаевна> начала со мной разговор о нашем завтраке у них» (РАЛ. MS 1067/398). 24 ноября Бунина отметила: «Читаю “Атлантиду”. Интересно. Хочется некоторые листы выписать» (РАЛ. MS 1067/398). Далее в дневнике следует несколько страниц выписок из предисловия к «Атлантиде», почти целиком переписан текст с XXXIV по XXXIX параграфы³⁹. Интересно, что в дневнике от 25 ноября «переписывание» текста буквально обрывается встречей с автором:

Неожиданно приехали Мережковские на полчаса. Д<митрий> С<ергеевич> попросил «Атлантиду», он еще не получил ее. Галя принесла и не обратила внимания, что она разрезана только до тех пор, до каких я прочла, то есть до 93 стр<аницы>. Было чуть неловко. Но читать эту книгу очень трудно сразу много. Когда же читаешь, то внимание держится.

Посидели недолго. Мережковский прочел вслух из 14 книги 1-ый отрыв<ок>.

Я их проводила до Caf , — они боялись у нас посидеть лишний получас, так как надвигалась темнота. Д<митрий> С<ергеевич> и Володя сели в машину, а З<инаида> Н<иколаевна> пошла пешком со мной. Она была очень весела, на все смотрела с интересом, на новые после них открытые магазины, кафе (РАЛ. MS 1067/398).

26 декабря Гиппиус написала Буниной два больших письма, в которых сообщила последние парижские новости об общих знакомых, сведения о денежных дотациях от чехов и сербов, а также выразила сочувствие по поводу трагической смерти кузины Веры Николаевны — Мани⁴⁰. В последний раз в 1930 г. Бунина упоминает

³⁸ Мережковские, как следует из письма З.Н. Гиппиус к В.Н. Буниной от 29 октября, приглашали Буниных и раньше, но те не приезжали, на что дружески сетует Зинаида Николаевна, пересказывает новости и приглашает вновь [З, с. 681–682].

³⁹ *Мережковский Д.С.* Тайна Запада: Атлантида-Европа. Белград: [Б. и.], 1930. Ч. I–II. 532 с.

⁴⁰ Мария Сергеевна Брюан (Bruyant; урожд. Муромцева; в первом браке Веняевская; 1888–1930), дочь председателя I Государственной думы С.А. Муромцева (1850–1910). Умерла в результате неудачной операции. Вера Николаевна узнала о ее смерти 6 декабря

Мережковских 26 декабря в связи со стартом очередной кампании по получению русским писателем Нобелевской премии⁴¹ (РАЛ. MS 1067/398). Собственно, ушедшая ненадолго в тень тема Нобелевской премии вновь станет основным лейтмотивом взаимоотношений Буниных и Мережковских на протяжении следующих лет вплоть до 1933 г. Характерно, что уже в 1931 г. (РАЛ. MS 1067/403) почти все дневниковые записи Веры Николаевны о Мережковском и Гиппиус будут напрямую или косвенно посвящены этой теме, что означает собой новый период в истории взаимоотношений Буниных и Мережковских.

Дневники В.Н. Буниной раскрывают двойственную природу литературной и личной борьбы в эмигрантской среде 1920–1930-х гг. С одной стороны, они демонстрируют ее активную роль в формировании репутации И.А. Бунина — не только как мемуариста, но и как защитника, остро реагирующего на критику (будь то статьи Гиппиус или интриги вокруг «нобелевской гонки»). Ее записи — это не просто хроника, а инструмент сопротивления, где субъективность становится оружием в борьбе за символический капитал. С другой стороны, эти же тексты обнажают трагический разрыв между идеалами русской интеллигенции и реальностью эмиграции. Бунина, искавшая у Мережковских — особенно у Гиппиус — не только литературной поддержки, но и человеческого тепла, столкнулась с холодным расчетом. Их многолетняя риторика о «духовном братстве» и «христианской любви» на практике обернулась эгоцентризмом, а временное сближение 1929–1930 гг. лишь подчеркнуло одиночество Буниной в мире, где даже близкие отношения подчинялись логике конкуренции.

Таким образом, дневники Буниной это не только источник по истории литературы, но и свидетельство кризиса доверия внутри эмигрантского сообщества. Литературные конфликты здесь неотделимы от личных драм, а борьба за признание оказывается частью более глубокой борьбы за сохранение себя в условиях изгнания. В этом напряжении между творчеством и выживанием, между высокими идеалами и повседневной жестокостью — ключ к пониманию не только отношений Буниных и Мережковских, но и всей сложной динамики русской культуры в изгнании.

из газет (РАЛ. MS 1067/398).

⁴¹ См. подробнее: [7, с. 294–298]. В письме к В.Н. Буниной от 26 декабря З.Н. Гиппиус тоже упомянула о Нобелевской премии [3, с. 684].

Литература

1. Андрущенко Е.А. Забытая повесть Д.С. Мережковского // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: сб. ст. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 387–396.
2. Гиппиус З.Н. Собр. соч.: в 15 т. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13: У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. 656 с.
3. Гиппиус З.Н. Собр. соч.: в 15 т. М.: Дмитрий Сечин, 2013. Т. 14: Я и услышу, и пойму: Избранная переписка 1891–1945 гг. Венок посвящений. 1056 с.
4. Двинятина Т.М. Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. Т. 2. 496 с.
5. Лавров В.В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920–1953): роман-хроника. М.: Молодая гвардия, 1989. 382 с.
6. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. 675 с.
7. Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.
8. Пахмусс Т. «Зелена лампа» в Париже // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 351–352.
9. Переписка И.А. Бунина с А. Беличем и В.Д. Брянским 1928–1941 гг. / предисл., подготовка текста и примеч. А.В. Бакунцева // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110. Кн. 2: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. С. 811–881.
10. Пономарев Е.Р. «Беседы с памятью» В.Н. Муромцевой-Буниной: неизвестная книга о детстве и юности // Новый филологический вестник. 2022. № 4. С. 158–169. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-158>
11. Пономарев Е.Р. Летопись русской эмиграции: трансформации дневникового жанра в эмигрантской культуре (на примере литературного наследия В.Н. Муромцевой-Буниной) // Новый филологический вестник. 2024. № 3. С. 180–191.
12. Хрисанфов В.И. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 164 с.
13. Щавлинский М.С. Автобиографические очерки В.Н. Муромцевой-Буниной о себе и семье: На материале газетных публикаций и дневниковых записей 1927–1936 гг. // Летняя школа по русской литературе. 2024. Т. 20. № 4. С. 314–332.
14. Щавлинский М.С. И.А. Бунин и его эпоха в цикле мемуарных очерков В.Н. Муромцевой-Буниной // Новый филологический вестник. 2024. № 2. С. 141–155. 141. <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-141>

A Brief Thaw: The Bunins and the Merezhkovskys in 1929–1930 Between Two Stages of the “Nobel Race” (Based on Vera Bunina’s Diaries)

© 2026. Maksim S. Shchavlinskii

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the support of the grant by the Russian Science Foundation, project no. 24–18–00425 “V.N. Muromtseva-Bunina — Chronicler of Russian Emigration.”

Abstract: The diaries of V.N. Bunina represent important historical testimonies about the life of the Russian emigration. Bunina kept them throughout her life with remarkable regularity — in some years (for example, in 1929–1930), entries were made almost daily. This material is particularly valuable for studying the life of the Russian emigration in France during the 1920–1940s. To this day, the relationship between the Bunin and Merezhkovskii families has not been properly studied. The 1920–1930s are especially interesting, as this was the time of the “Nobel competition” between I.A. Bunin and D.S. Merezhkovskii. Despite warm relations in the early 1920s, by the mid-1920s the relationship between the families had cooled, and in 1929–1930 an unexpected rapprochement (“thaw”/ottepel) occurred, reflected in the correspondence between Z.N. Gippius and V.N. Bunina, as well as in Vera Nikolaevna’s diaries. This article examines this brief rapprochement and its biographical and literary contexts.

Keywords: V.N. Muromtseva-Bunina, I.A. Bunin, Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskii, biography, diaries, letters, Nobel Prize

Information about the author: Maksim S. Shchavlinskii, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5156-8999>

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

For citation: Shchavlinskii, M.S. “A Brief Thaw: The Bunins and the Merezhkovskys in 1929–1930 Between Two Stages of the ‘Nobel Race’ (Based on Vera Bunina’s Diaries).” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 112–134 (In Russ.) <https://doi.org/???>

References

1. Andrushchenko, E.A. “Zabytaia povest’ D.S. Merezhkovskogo” [“The Forgotten Tale of D.S. Merezhkovskii”]. *D.S. Merezhkovskii: pisatel’ — kritik — myslitel’: sbornik statei* [D.S. Merezhkovskii: Writer — Critic — Thinker: Collection of Articles]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018. pp. 387–396. (In Russ.)
2. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 13: U nas v Parizhe: Literaturnaia i politicheskaia publiksistika 1928–1939 gg. Vospominaniia.

Portrety [In Our Paris: Literary and Political Journalism, 1928–1939. Memoirs. Portraits]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2012. 656 p. (In Russ.)

3. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: In 15 Vols.], vol. 14: Ia i uslyshu, i poimu: Izbrannaia perepiska 1891–1945 gg. Venok posviashchenii [I Will Hear and Understand: Selected Correspondence, 1891–1945. A Wreath of Dedications]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2013. 1056 p. (In Russ.)

4. Dviniatina, T.M. *Ivan Bunin: Biograficheskii punktir: v 2 t.* [Ivan Bunin: Biographical dotted line: in 2 vols.], vol. 2. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Vita Nova Publ., 2020. 496 p. (In Russ.)

5. Lavrov, V.V. *Kholodnaia osen': Ivan Bunin v emigratsii (1920–1953): roman-khronika* [Cold Autumn: Ivan Bunin in Exile (1920–1953): A Chronicle-Novel]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1989. 382 p. (In Russ.)

6. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo Zarubezh'ia. 1918–1940* [Literary Encyclopedia of the Russian Abroad. 1918–1940], vol. 2: Periodika i literaturnye tsentry [Periodicals and Literary Centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 675 p. (In Russ.)

7. Marchenko, T.V. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

8. Pakhmuss, T. “Zelenaia lampa' v Parizhe” [“The Green Lamp' in Paris”]. *Zinaida Nikolaevna Gippius. Nove materialy. Issledovaniia* [Zinaida Nikolaevna Gippius. New Materials. Research]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 351–352. (In Russ.)

9. Bakuntsev, A.V. editor. “Perepiska I.A. Bunina s A. Belichem i V.D. Brianskim 1928–1941 gg.” [“Correspondence Between I.A. Bunin and A. Belic and V.D. Brianskii, 1928–1941”], foreword, text prep. and notes by A.V. Bakuntsev. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 110, book 2: I.A. Bunin. Nove materialy i issledovaniia [I.A. Bunin. New Materials and Research], ed. and comp. by O.A. Korostelev, and S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 811–881. (In Russ.)

10. Ponomarev, E.R. “Besedy s pamiat'iu' V.N. Muromtsevoi-Buninoi: neizvestnaia kniga o detstve i iunosti” [“Conversations with Memory' by V.N. Muromtseva-Bunina: An Unknown Book About Childhood and Youth”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (63), 2022, pp. 158–169. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-158> (In Russ.)

11. Ponomarev, E.R. “Letopis' russkoi emigratsii: transformatsii dnevnikovogo zhanra v emigrantskoi kul'ture (na primere literaturnogo nasledii V.N. Muromtsevoi-Buninoi)” [“Chronicle of Russian Emigration: Transformations of the Diary Genre in Émigré Culture (Based on the Literary Heritage of V.N. Muromtseva-Bunina)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3, 2024, pp. 180–191. (In Russ.)

12. Khrisanfov, V.I. *D.S. Merezhkovskii i Z.N. Gippius: Iz zhizni v emigratsii* [D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius: From Life in Exile]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2005. 164 p. (In Russ.)

13. Shchavlinskii, M.S. “Avtobiograficheskie ocherki V.N. Muromtsevoi-Buninoi o sebe i sem'e: Na materiale gazetnykh publikatsii i dnevnikovyykh zapisei 1927–1936 gg.” [“Autobiographical Essays by V.N. Muromtseva-Bunina About Herself and Her Family: Based on Newspaper Publications and Diary Entries, 1927–1936”]. *Letniia shkola po russkoi literature*, vol. 20, no. 4, 2024, pp. 314–332. (In Russ.)

14. Shchavlinskii, M.S. "I.A. Bunin i ego epokha v tsikle memuarynykh ocherkov V.N. Muromtsevoi-Buninoi" ["I.A. Bunin and His Era in the Cycle of Memoir Essays by V.N. Muromtseva-Bunina"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (69), 2024, pp. 141–155. <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-141> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 15.09.2025
Approved after reviewing: 24.11.2025
Date of publication: 25.03.2026